

УДК 82.09: 82

ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ХУДОЖЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ И. С. ТУРГЕНЕВА, И. А. ГОНЧАРОВА, Л. Н. ТОЛСТОГО)

© И. Ш. Юнусов

Башкирский государственный университет
Бирский филиал

Россия, Республика Башкортостан, 452453 г. Бирск, ул. Интернациональная, 10.

Тел/факс: +7 (34784) 4 04 55.

Email: ildar_yun@rambler.ru

В русской классической литературе то, на каком языке говорит тот или иной персонаж, часто становилось и одной из форм его характеристики. В данной статье исследуется язык общения персонажей как художественно значимый элемент поэтики в прозе И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого. Выявляются особенности использования данного приема и их роль в картине мира каждого из исследуемых писателей. Все три писателя по-разному понимают ценность чужих языков в соотношении с родным. При этом общим для художественных систем И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого является наполнение этическим содержанием самого факта использования того или иного языка в той или иной ситуации.

Ключевые слова: язык общения персонажей, поэтика, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой.

В отечественной филологии XX в. всегда уделялось большое внимание языку и стилю русских писателей. Появилось немало блестящих работ, оставивших заметный след в истории русской науки о литературе. На рубеже XX–XXI вв. утвердилась новая литературоведческая парадигма, которая позволила расширить и уточнить многие актуальные проблемы. В частности, в рамках интересующей нас темы утвердились новые понятия: наррация, композиция повествования, объекты и субъекты повествования и т.д.

Вместе с тем один важный нюанс оставался вне исследовательского внимания в течение многих десятилетий, а именно социально-этическая функция языка общения персонажей литературных произведений. В русской классической литературе то, на каком языке говорит тот или иной персонаж, часто становилось и одной из форм его характеристики. В 1976 г. Я. С. Билинкис в статье «Народное и национальное в художественной системе «Войны и мира» Л. Н. Толстого» [1] первым обратил внимание на то, что *русское* в художественном мире эпопеи является не столько национальным, сколько этическим обозначением. Правда, здесь речь шла не только и не столько о русском языке, сколько о *русском* в самом широком понимании этого слова. Нас же интересует именно язык общения персонажей как прием их характеристики и шире – важный элемент поэтики произведения.

Объектом исследования в рамках настоящей работы является художественное и эпистолярное наследие трех русских писателей второй половины XIX в. – И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого. Соответственно, предметом исследования является язык общения персонажей как художественно значимый элемент поэтики. Цель – выявить особенности использования этого приема

и их роль в картине мира каждого из исследуемых писателей.

В художественном мире И. С. Тургенева феномен родного языка рисуется однозначно положительно. В его ранней повести «Затишье» подчеркивается связь между песней на родном, в данном случае украинском, языке и душой поющего человека. Так, Марья Павловна «сначала... выговаривала слова равнодушно, но заунывно-страстный, родной напев зашевелил понемногу ее самое, щеки ее покраснели, взор заблестал, голос зазвучал горячо» [2, с. 398]. Характерно, что ее «хохлацкая душа» угадывается другими персонажами повести. Более того, один из них констатирует: «А ведь малороссийская кровь все видна, не правда ли?» [2, с. 399].

В «Трех встречах» выявляется, что сама по себе этническая принадлежность увлекшей героя женщины, если не важна для него, то, по крайней мере, очень интересна: «Я долго не мог заснуть. «Кто она такая? – беспрестанно спрашивал я самого себя. – Русская? Если русская, отчего она говорит по-итальянски?» [2, с. 224]. И опять-таки существенно, что позднее она признается именно на родном языке, что она русская. На это обратил внимание повествователь: «...до тех пор она выражалась на французском языке» [2, с. 243]. Как видно, уже в ранних тургеневских произведениях, то, на каком языке разговаривает персонаж, по-своему уже характеризует его. Поэтому не случаен в «Затишье» подобный диалог: « – Позвольте спросить, – заговорил после небольшого молчания Владимир Сергеевич на французском языке, – вы давно знакомы с Марьей Павловной?»

– Позвольте спросить, – возразила с быстрой усмешкой Надежда Алексеевна, – почему вы именно этот вопрос мне по-французски сделали?» [2, с. 403]. Родной язык в восприятии положительных

героев Тургенева связан с глубинными основами каждого человека. Так, в рассказе «Жид» герой-повествователь обращается к российскому генералу на родном ему немецком языке в тайной надежде, что это может помочь спасти жизнь Гиршеля, но генерал предпочитает родному/интимному языку официальный, в данном случае русский язык: «– Сжальтесь, ваше превосходительство, – сказал я генералу по-немецки, как умел, отпустите его...

– Вы, молодой человек, – отвечал он мне по-русски, – я вам сказывал, неопытны, и посему прошу вас молчать и меня более не утруждать» [2, с. 119].

В художественном мире Тургенева родной язык, будь он русским или немецким, предполагает глубинную, интимную связь между языком и его носителем. И для русского героя-повествователя «Жида» сам выбор языка ответа генерала на русском, а не на родном немецком языке, оказывается разочаровывающим.

Характерна в этом смысле повесть «Дневник лишнего человека». Автор дневника Чулкатурин пишет, что из всех бывших у него учителей и гувернеров «...особенно памятным остался мне один худосочный и слезливый немец, Рикман, необыкновенно печальное и судьбою пришибленное существо, бесплодно сгоравшее томительной тоской по далекой родине» [2, с. 169]. Здесь же приводится любимая песня учителя на немецком языке:

Сердце, сердце мое, почему ты так печально?

Что тебя так огорчает?

Ведь в чуждой стране прекрасно

Сердце, сердце мое, чего же ты еще хочешь [2, с. 169–170]. В этой же повести присутствует и другой немец – аптекарь. «Все чины и власти города О... получили приглашение (На бал к губернатору. – И. Ю.), начиная с городничего и кончая аптекарем, необыкновенно чирым немцем с жестокими притязаниями на умение говорить чисто по-русски, вследствие чего он беспрестанно и вовсе некстати употреблял сильные выражения, как например: «Я черт меня завзем побери, сиводнэ малодец завзем...» [2, с. 194]. Среди приглашенных гостей немец оказывается на самой низкой ступени социальной иерархии. Неуверенность в собственном положении подчеркивается и его комплексом неполноценности в его стремлении говорить чисто по-русски. Здесь в глазах Чулкатурина поющий на родном, немецком языке учитель Рикман гораздо привлекательнее аптекаря-немца, подчеркнуто стремящегося говорить по-русски, хотя их обоих и объединяет тяжелая судьба чужестранца.

В «Дворянском гнезде» Лиза Калитина, чувствуя свою невольную вину перед Леммом за то, что показала его кантату Паншину, просит прощения у него подобно герою-повествователю «Жида» на родном для учителя немецком языке, а тот, в свою очередь, отвечает ей по-русски: «это ничего» [3, с. 24]. Здесь помимо знакового знания Лизой

немецкого языка обращает на себя внимание и взаимное уважение Лизы и Лемма, выраженное в обращении к собеседнику на родном ему языке.

В этом романе художественные функции актуализации языка общения расширяются. Так, отец Федора Лаврецкого в своих языковых и культурных предпочтениях представлен в комическом ключе: «Но – чудное дело! Превратившись в англомана, Иван Петрович стал в то же время патриотом, хотя Россию знал плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: в обыкновенной беседе речь его... пестрела галлицизмами» [3, с. 38].

Вполне характеризует двух героинь «Дворянского гнезда» – Марью Дмитриевны и Марфы Тимофеевны – отношение к персонажам, предпочитающим французский язык родному. В глазах Марьи Дмитриевны незнание французского языка есть уже несомненный показатель отсутствия воспитания. Но для Марфы Тимофеевны наоборот, это ничего не значит: «По-французски не говорит (О Гедеоновском. – И. Ю.), – эка беда! Я сама не сильна во французском «диалекте». Лучше бы он ни покаковски не говорил: не лгал бы» [3, с. 10]. Вообще, отношение Марфы Тимофеевны к тому или иному персонажу в романе всегда является весомой и верной его характеристикой.

Значимость для Тургенева ключевого, глубинного свойства национальной жизни, национального мира, определяющего, по мнению писателя, даже характер и будущее того или иного народа, особенно четко высвечивается в «Дыме», где родной язык оказывается способным самостоятельно и успешно противостоять различным антирусским стихиям. В поэтике «Дыма» сохраняется прием нравственного наполнения факта употребления тем или иным персонажем родного или чужого языка. С самого начала «гортанная трескотня французского жаргона» несколько по-толстовски (вспомним начало «Воскресения») противопоставлялась естественному миру природы, «птичьему щебетанью» [4, с. 249]. Повествователем не без иронии сообщается, что в многочисленном обществе дам и кавалеров «Литвинов тотчас признал... русских, хотя они все говорили по-французски... потому что они говорили по-французски» [4, с. 296]. Знаменательно, что выбор языка в общении Ирины и Литвинова свидетельствует о степени естественности и правдивости в их отношениях. Ирина однажды признается Литвинову: «Наконец-то, наконец, один человек, живой человек, который нашего ничего не знает! И по-русски можно с ним говорить, хоть дурным языком, да русским, а не этим вечным приторным, петербургским французским языком!» [4, с. 313]. Знаменательно, что прощальное письмо Ирины в отличие от предыдущих многочисленных записок написано на французском языке. Это является для Литвинова ясным и недобрым знаком: на условном, чужом языке легче избрать необходимый тон, да-

ющий понять и о прекращении их отношений и о том, что она осознает нравственную небезупречность своего решения. А Литвинов находит силы ответить на русском языке, потому что в отношениях с Ириной он до конца искренен.

Самое сохранение приема позитивной характеристики персонажа, органично связанного с родным языком, при всех сомнениях повествователя и некоторых персонажей романа в русском мире и русской жизни, часто окрашенных в негативные коннотации, все же ясно свидетельствует о глубинной авторской вере в будущее России.

В «Несчастной» возникает интрига, связанная с этническим происхождением Ратча. Себя он представляет так: «...Я чех, и родина моя – древняя Прага!» [5, с. 66]. Но Фустов высказывает предположение, что Ратч «обрусевший немец», потому что «с женой он беседует по-немецки» [5, с. 67]. Женой Ратча является «здешняя немка, дочь колбасника» [5, с. 67]. Немецкое начало высказывалось в Ратче в экстремальные минуты его жизни, когда он незаметно для себя переходил на немецкий выговор или в его речи вдруг проступал немецкий акцент. Язык, по глубокому убеждению Тургенева, неразрывно связан с этнической сущью человека, с его этнокультурной природой.

Выбор персонажами «Вешних вод» языка общения почти всегда оказывается знаковым. Так, Санин на родном для Панталеоне итальянском языке пытается утешить последнего. В минуты волнения тот же Панталеоне и Джемма неосознанно переходят на свой родной язык. И это не впервые у Тургенева. В «Накануне» Зоя Мюллер, в «Несчастной» Ратч также переходят на родной язык в кризисные мгновения их жизни. У Тургенева складывается убеждение, что между родным языком и психикой человека устанавливается такая глубокая связь, что она всегда вырывается наружу, когда сознание на какое-то время в силу разных причин теряет контроль. И силу этой связи между родным языком и психикой человека Тургенев, по всей видимости, считает настолько важным, что уже в нескольких произведениях актуализирует ее.

Итальянцы в «Вешних водах» сразу же после знакомства со спасителем проникались симпатией ко всему русскому. Так, услышав русскую речь, они «...восхищались мягкостью и звучностью русского языка» [5, с. 265]. Фрау Леноре «...открыла в русском языке удивительное сходство с итальянским» [5, с. 265]. И вообще, вся повесть пронизана русско-итальянской комплиментарностью (по Л. Н. Гумилеву).

В романе «Новь» именно в кругу высокопоставленных чиновников возникает тема употребления французского языка в обыденной речи. Жена Сипягина упрекает Калломейцева в излишнем пристрастии к французскому языку, что, по ее мнению, является уже «устарелой манерой» [6, с. 164]. На что Калломейцев, отказавшийся в силу своего

«патриотизма» покинуть Россию, отвечает: «Не все же так отлично владеют родным наречьем, как, например, вы. Что касается до меня, то я признаю язык российский, язык указов и постановлений правительственных; я дорожу его чистотою! Перед Карамзиным я склоняюсь!... Но русский, так сказать, ежедневный язык... разве он существует?» [6, с. 164]. Ну и сама Валентина Михайловна в известные минуты думает по-французски. Все это весьма красноречиво выражает авторское отношение к своим героям.

Общеизвестно, что одним из наиболее полных проявлений русского национального характера Тургенев считал русский язык, ибо, по его глубокому убеждению, именно язык является самым главным созданием народа, объективно выражающим его дух. Эту мысль художник выразил в знаменитом стихотворении в прозе «Русский язык». Но сама идея этого стихотворения у писателя созрела давно. Еще в 1859 г. в письме к Е. Е. Ламберт Тургенев выражает ключевую идею о связи языка и характера, их соотношения и возможности прогнозирования будущего развития национального характера: «Странное дело! Этих четырех качеств – честности, простоты, свободы и силы нет в народе – а в языке они есть... Значит, будут и в народе» [7, с. 124].

В художественном мире И. А. Гончарова ценность родного языка не имеет универсального характера. Ценность представляют лишь развитые языки христианских народов. А другие языки не имеют с его точки зрения права на жизнь. Так, во «Фрегате «Паллада», описывая Якутск, путешественник прогнозирует: «Много и русского и нерусского, что со временем будет также русское» [8, с. 377]. Говоря о деятельности преосвященного Иннокентия, рассказчик подчеркивает: «Под его руководством перелагается евангельское слово на их скудное, не имеющее права гражданства между нашими языками, наречие» [8, с. 392–393].

Рассказчика в самом начале сибирской части путешествия во «Фрегате «Паллада» неприятно поразила русская девочка, которая умела разговаривать только по-якутски. И первое объяснение путешественника этому фактору было таково: «Ох, еще сильна у нас страсть к иностранному: не по-французски, не по-английски, так хоть по-якутски пусть дети говорят!» [8, с. 361]. Вообще, о доминировании якутского языка в Якутской области писали и М. Геденштром [9, с. 84–85], и Н. Щукин [10, с. 164–165]. И справедливость этого факта поражает путешественника, который видел в Африке и Азии противоположную картину, когда туземцы знали язык англичан, испанцев и голландцев, а не наоборот. Вот еще одна сценка, удивляющая путешественника: «...Егор Петрович сам, встретив в слободе какого-то человека, вдруг заговорил с ним по-якутски. « – Это якут? – спросил я. «Нет, русский, родной мой брат». « – Он знает по-русски?» « – Как же, знает». « – Так что же вы не по-русски

говорите?» – «Обычай такой...» [8, с. 364]. Таких русских автор называет «русскими якутами»: они русские родом, а по языку якуты [8, с. 364]. Им путешественник противопоставляет «настоящих якутских якут» [8, с. 364]. Причем, «настоящие якутские якуты» «не слышат по-русски» [8, с. 369]. Это раздражает путешественника, ему порядочно «наскучил якутский язык».

В романе «Обломов» фигура Штольца изначально должна была являть собой органичный синтез русского и немецкого начал. Особенно показательны в этом смысле попытки художника определиться со «слагаемыми» Штольца в черновых вариантах: «языком говорил и думал русским и знал его вдоль и поперек, во всю ширину и глубину, от Ильмена, Москвы и Волги до Литвы и до Азиатских степей, знал от первобытной славяно-русской речи до (речи) брани степного муж(ика), от Слова о полку Игореве до Пушкина включительно; знал со всеми старыми и новыми заплатами, которые нашивали на него Варяги, Финны, Татары и Французы, Шишков, Каченовский, Булгарин и Греч. Немецкий же язык – он знал только тот, которым говорил его отец и который он нашел в книгах Шиллера и Гете.

... воспитывался/воспитался (От матери наследовал он русский склад ума, предания русского духа, русского сердца, от отца получил терпение, деятельность и точность в отправлении всякой обязанности, всякого дела, как бы оно мало ни было. И то и другое шли в нем параллельно)» [11, с. 448–449]. Тут принципиально важно для писателя, зная, какое значение он придавал языку в формировании этнической личности, что Штолец говорил и думал по-русски, что знал его он до тонкостей во всевозможных историко-языковых аспектах. *Русское* и в языке, и в духе Штольца, в соответствии с замыслом, доминирует.

Известный схематизм в создании идеального образа Штольца, который бы соединял лучшие черты русского и немецкого национального характеров при сохранении русской доминантности, русского взгляда на мир, сказался и в каноническом варианте романа.

«Штолец был немец только вполовину, по отцу: мать его была русская; веру он исповедовал православную; *природная речь его была русская: он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах.* Немецкий же язык он унаследовал от отца, да из книг» [12, с. 155]. (Выделено мною. – *И. Ш.*) Русская стихия в формировании Штольца доминирует. Автор это подчеркивает даже внешне; выделенная нами, значительно преобладающая часть цитаты связана именно с русским воздействием на Штольца.

Если немецкое начало в личности Штольца связано только с влиянием отца и немецких книг, то русское начало связано и с матерью, и с языком,

и с верой, и с друзьями, да и всем окружающим его миром. Но это не означает, что *немецкое* должно было бесследно раствориться в русской стихии, а, напротив, оно должно было привнести свои полезные, необходимые русскому характеру качества, чтобы этот синтез позволил русскому миру быстрее двинуться по пути Прогресса и Цивилизации.

В «Обрыве» автора беспокоит увлечение французским языком. На нем говорят люди, потерявшие русские корни или комически тщась быть современными и передовыми. Таковы в особенности фигуры Пахотина и Крицкой.

К проблеме родного языка Л. Толстой подходил с позиции универсальных ценностей. Для его положительных русских персонажей самым близким языком мог быть и чужой язык. Так, в трилогии «Детство. Отрочество. Юность» любимейшее существо Николеньки, олицетворявшее для него эпоху детства – маменька – окружена атмосферой *немецкого*. Приведем характерный эпизод: «Поздоровавшись со мною, мама взяла обеими руками мою голову и откинула ее назад, потом пристально посмотрела на меня и сказала:

Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцеловала меня в глаза и по-немецки спросила:

О чем ты плакал?

Когда она разговаривала с нами дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве» [13, с. 9].

Атмосфера *немецкого* окружала Николеньку с первых минут жизни. Она во многом ассоциировалась с людьми самыми близкими и дорогими ему. (Herr Frost в какой-то мере удивил его, что был немец «совершенно не того покроя», что Карл Иваныч). И потому *немецкое* чуть ли не наравне с родным *русским* естественно вошло в его мир.

И, напротив, волею обстоятельств, все *французское* в трилогии вызывает у Николеньки чувства едва ли не противоположные. Не случайно *французское* в трилогии представляют персонажи, не вызывающие у Николеньки положительных чувств. Вспомним: «Что за несносная особа была эта Ми-ми! При ней, бывало, ни о чем нельзя было говорить: она все находила неприличным. Сверх того, она беспрестанно приставала: *parles done français* (говорите же по-французски, а тут-то, как назло, так и хочется болтать по-русски)» [13, с. 18]. В своем новом учителе-французе St-Jerome, заменившем старого доброго Карла Иваныча, Николенька не приемлет бросающуюся в глаза неестественность: «...шеголь, старающийся стать наравне со всеми»; «...любил драпироваться в роль наставника»; «выпрямляя грудь и делая величественный жест рукою, трагическим голосом кричал»; «Его пышные французские фразы... были для меня невыразимо противны» [14, с. 51].

В этом же ряду, видимо, следует рассматривать и следующее противопоставление. Мать Николеньки в свои самые задушевные минуты любила говорить по-немецки. А папа Николеньки, читаем в одном из черновых вариантов, «...имел дурную привычку перемешивать французские слова, такие слова, которые он очень хорошо мог сказать по-русски, с русскими, в особенности, когда он говорил вещи трудные (трудными словами я называю такие, которые не говорятя тотчас, как приходят в голову, а которые знаешь, что должен сказать, и перед которыми, чтобы выговорить их, происходит внутренняя борьба)» [13, с. 116]. Т.е. когда приходится идти против своей совести, то удобней всего, оказывается, обратиться к французскому языку.

Известно, что в казаках писатель видел своеобразное выражение русского национального характера, едва ли не идеальную возможность его развития [15, с. 142]. И в повести «Казаки» именно эти симпатичные Толстому представители русского мира любят говорить на чужом языке: «живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев» [16, с. 15]; «еще до сих пор казацкие роды считаются родством чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляет главные черты их характера...»; «казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил его хату»; «щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски» [16, с. 16]. В отличие от И. А. Гончарова подобная ситуация Л. Толстого только вдохновляет.

В «Войне и мире» самое упоминание о том, на каком языке говорит тот или иной персонаж, является в какой-то мере и характеристикой его. Не случайно повествователь с первых страниц эпопеи акцентирует на этом внимание читателя. Князь Василий Курагин говорил на «...изысканном французском языке...» [17, с. 4]; «князь Ипполит начал говорить по-русски таким выговором, каким говорят французы, пробывшие с год в России» [17, с. 26]; старик Ростов «плохо говорил по-французски» [17, с. 43]; «Марья Дмитриевна всегда говорила по-русски» [17, с. 73]; «...заговорила Элен, переводя разговор на французский с русского языка, на котором ей всегда казалась какая-то неясность в ее деле» [18, с. 237]. Предпочтение французского языка русскому удивительно напоминает такое же предпочтение французского языка отцом Николеньки (в черновиках к «Детству»). Французский язык во многом представляется Толстому языком фразы, позы, языком условным, а следственно, и фальшивым.

В «Войне и мире» представлен широкий круг лиц русского происхождения, не являющихся русскими по сути. Таков, прежде всего, петербургский

свет. Народный взгляд не включает этих людей в русский мир и не может признать русскими. Автор постоянно акцентирует внимание на том, что все эти персонажи говорят по-французски. Так, Расстопчин, официальный патриот, и «думал... по-французски» [18, с. 347]. Для них самая высокая похвала – в признании похвостности на французов: «Ну, мой дорогой, ваша маленькая княгиня очень мила. Очень мила и совершенная француженка» [17, с. 29].

Известно, что у Толстого человек текуч, что он постоянно меняется, что он одновременно и хороший и плохой, и добрый и злой, и умный и глупый. Так, и в «Войне и мире», по Толстому, те или иные герои в отдельные моменты могут утрачивать *русское*, а другие, напротив, приобретать. Вспомним, Пьер по-французски объясняется в любви Элен и затем женится на ней; или (в черновике), находясь в неестественном и «...невыгодном положении мужа в гостиной жены», Пьер обращает на себя внимание «...изредка блеском своей французской болтовни...» [19, с. 687]. «Блеск» и «французская болтовня» – это, безусловно, нерусские свойства, но эта «нерусскость» Пьера определяется в данном случае ложным положением его. И Наташа Ростова, отдаваясь блестящей и фальшивой атмосфере при посещении оперы, знакомится с Анатолем, заговаривает по-французски, и ей постоянно кажется, «что что-то неприличное она делает...». И, тем не менее, это проявление лишь минутных слабостей наших героев, и им удастся вернуться в «русское состояние».

Не сразу приобщается к *русскому* и князь Андрей, который вначале говорил «ударя на последнем слоге, ... как француз». А в черновиках читаем: «и думал всегда по-французски» [19, с. 75]. Женат он был на Лизе Мейнен. Да и под Аустерлицем Болконским была проявлена разве русская храбрость? И только преодолев несколько кризисов, пересмотрев многие свои взгляды, накануне Бородинского сражения он испытывает то же чувство, которое было в каждом солдате, в каждом русском.

В художественном мире толстовской эпопеи открываются как бы две возможности в путях дальнейшего развития человечества – русская и французская [1, с. 94]. Причем *русское* и *французское* выступают в «Войне и мире» не как национальные обозначения, а как этические категории. И, по Толстому, получается, что, скажем, русский по происхождению человек может быть французом по своей сути, и наоборот. В рамках эпопеи Л. Толстого это обусловлено народным «взглядом на вещи».

В «Анне Карениной» находят дальнейшее развитие в основном те же языковые мотивы, что и в «Войне и мире». Хотя они и не являются доминирующими, но тем не менее «сцеплены» с некоторыми узловыми вопросами проблематики романа. И здесь герои делятся на русских и нерусских по этическим критериям. По-прежнему значимым для художника остается то, на каком языке и как говорят его герои.

Так же, как и в предыдущих произведениях, на французском языке предпочитают разговаривать персонажи, выпавшие из русского мира. Левин, моделируя свое будущее, полагает, что он обязательно со своими детьми будет общаться на родном языке, и его неприятно поражает то, как Долли заставляет своих детей говорить по-французски: «И для чего она говорит по-французски с детьми? – подумал он. – Как это неестественно и фальшиво! И дети чувствуют это. Выучить по-французски и отучить искренности», – думал он сам с собой... Нет, я не буду ломаться и говорить по-французски со своими детьми...» [20, с. 286–287].

Однажды на французский язык переходит в минуты ревности и сам Левин: «Ну, что вы мне имеете сказать? – проговорил он по-французски» [21, с. 174]. Но это единичные случаи. Он, подобно Пьеру, быстро возвращается в русское состояние. Гораздо чаще к холодному и условному французскому языку вынуждена была прибегать Анна Каренина, ступившая на ложный путь после измены супругу. Необходимость обмана и лжи со стороны Анны Карениной огорчала и Вронского, и ее мужа, потому что и тот, и другой прекрасно осознавали правдивость ее натуры. Но, в конце концов, «...ложь, чуждая ее природе, сделалась не только проста и естественна в обществе, но даже доставляла удовольствие» [20, с. 312]. И использование условного французского языка для нее зачастую оказывалось единственной возможностью сохранить свое лицо.

Вместе с тем в «Анне Карениной» нет, при сохранении русско-европейской оппозиции, того напряжения в русско-французских отношениях, которое играло столь значительную роль в «Войне и мире» и было обусловлено как изображаемыми автором событиями начала XIX в., так и жанровой природой книги.

Итак, можно сделать следующие выводы.

1. В поэтике русской прозы второй половины XIX в. указание на язык общения персонажей играет достаточно важную роль.
2. У каждого из рассмотренных нами писателей – И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого – своя картина мира, и роль родного языка каждым из них понимается по-своему.
3. По Тургеневу, родной язык неразрывно связан с глубинными основами человека. Родной язык интимен по своей сути. В чужом окружении он проявляет себя в самые критические минуты жизни, подчеркивая его особую связь с носителем. В художественном мире Тургенева родной русский язык ценен в той же степени, что и родные языки других народов. Родной русский язык непосредственно связан с русскими нравственными ценностями, и когда тургеневские персонажи идут вопреки им, то вынуждены переходить на чужой язык. Между языком и национальным характером есть прямая связь. Симпатичные автору герои стремятся говорить на родном языке близкого им человека, пытаясь добиться большей искренности в общении.

4. По Гончарову, ценность имеют родные языки только у тех народов, которые принадлежат к христианскому миру. При соотношении родного русского языка с другими европейскими языками несомненно приоритет русского, что наиболее ярко выразилось при «синтезировании» идеального, необходимого на данном этапе развития страны героя – Штольца. В качестве языка общения чужой язык предпочитают несимпатичные автору герои.
5. По Толстому, родной язык не имеет однозначного приоритета. В толстовской картине мира доминируют универсальные, общечеловеческие ценности. Самые интимные чувства и переживания русские герои Толстого могут передавать на чужом языке. Вместе с тем в «Войне и мире» русский и французский языки приобретают характер не столько этнического, сколько этического маркера. И во многом это обусловлено жанровой природой книги, поскольку эпопея предполагает «народный взгляд на вещи».
6. У всех трех авторов, как правило, именно французский язык находится в оппозиции к русскому. На французском языке говорят или несимпатичные автору персонажи, или герои, по тем или иным причинам утратившие мир в своей душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билинкис Я. С. Народное и национальное в художественной системе «Войны и мира» Л. Н. Толстого // Пути русской прозы. Л.: ЛГПИ, 1976. С. 86–99.
2. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 4. 687 с.
3. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 6. 495 с.
4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. 559 с.
5. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 8. 542 с.
6. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 9. 575 с.
7. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Письма. М.: Наука, 1987. Т. 4. 766 с.
8. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. 526 с.
9. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб.: Тип-фия Мед. деп. М-ва вн. дел, 1830. 165 с.
10. Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб.: Изд. тип. К. Вингбегера, 1833. 231 с.
11. Гончаров И. А. Обломов. Л.: Наука, 1987. 694 с.
12. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 4. 534 с.
13. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. Л.: Госиздат, 1928. Т. 1. 357 с.
14. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. Л.: Госиздат, 1930. Т. 2. 418 с.
15. Билинкис Я. О творчестве Л. Н. Толстого. Л.: Советский писатель, 1959. 414 с.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л.: Госиздат, 1929. Т. 6. 315 с.
17. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 9. 367 с.
18. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л.: Госиздат, 1932. Т. 11. 483 с.
19. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л.: Госиздат, 1949. Т. 13. 834 с.
20. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л.: Госиздат, 1934. Т. 18. 555 с.
21. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л.: Госиздат, 1935. Т. 19. 516 с.

Поступила в редакцию 10.09.2014 г.

**THE LANGUAGE OF COMMUNICATION OF PERSONAGES AS
ARTISTICALLY MEANINGFUL ELEMENT OF POETICS
(ON THE EXAMPLE OF THE PROSE
OF I. S. TURGENEV, I. F. GONCHAROV, L. N. TOLSTOY)**

© I. Sh. Yunusov

*Birsk branch of Bashkir State University
10 Internatsional'naya, 452453 Birsk, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 844 04 55.

Email ildar_yun@rambler.ru

In Russian classic literature, it so happens that the language a personage speaks often becomes one of the forms of how we characterize this personage. The language of communication of personages as artistically meaningful element of poetics in the prose of I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, and L. N. Tolstoy is studied. The article examines the peculiarities of the use of this device and their role in the picture of the world of each of the above-mentioned writers. In Turgenev's view, the mother tongue is inseparably related to the deep nature of man and is intimate in its essence. In an alien environment, it manifests itself in the most critical minutes of life, underlying a special connection with the carrier. In the artistic world of Turgenev, the native (Russian) language is as valuable as any native language of any other nation. According to Goncharov, it is only the native languages belonging to the Christian World that has a value. While correlating the Russian (native) language with other European languages, the priority of Russian is obvious, which was most brilliantly manifested in the "synthesizing" of the perfect hero of the country – Shtolts, who is in such a need for the country in its given period of development. Tolstoy claims that the native language does not possess a synonymous priority. In Tolstoy's picture of the world, universal values prevail. Tolstoy's heroes can express the most intimate feelings and experiences by means of an alien language.

Keywords: *the language of communication of personages, poetics, I. S. Turgenev, I. F. Goncharov, L. N. Tolstoy.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Bilinkis Ya. S. Puti russkoi prozy. Leningrad: LGPI, 1976. Pp. 86–99.
2. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. [Complete Works and Letters. In 30 Volumes]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 4.
3. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. [Complete Works and Letters. In 30 Volumes]. Moscow: Nauka, 1981. Vol. 6.
4. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. [Complete Works and Letters. In 30 Volumes]. Moscow: Nauka, 1981. Vol. 7.
5. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. [Complete Works and Letters. In 30 Volumes]. Moscow: Nauka, 1981. Vol. 8.
6. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. [Complete Works and Letters. In 30 Volumes]. Moscow: Nauka, 1982. Vol. 9.
7. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. Pis'ma [Complete Works and Letters. In 30 Volumes. Letters]. Moscow: Nauka, 1987. Vol. 4.
8. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. [Complete Works. In 8 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. Vol. 3.
9. Gedenshtrom M. M. Otryvki o Sibiri [Excerpts about Siberia]. Saint Petersburg: Tip-fiya Med. dep. M-va vn. del, 1830.
10. Shchukin N. S. Poezdka v Yakut-sk [A Trip to Yakutsk]. Saint Petersburg: Izd. tip. K. Vingebera, 1833.
11. Goncharov I. A. Oblomov [Oblomov]. Leningrad: Nauka, 1987.
12. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. [Complete Works. In 8 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1979. Vol. 4.
13. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. Leningrad: Gosizdat, 1928. Vol. 1.
14. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. Leningrad: Gosizdat, 1930. Vol. 2.
15. Bilinkis Ya. O tvorchestve L. N. Tolstogo [On the Works of L. N. Tolstoy]. Leningrad: Sovet-skii pisatel', 1959.
16. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. M.; Leningrad: Gosizdat, 1929. Vol. 6.
17. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. M.; Leningrad: Gosizdat, 1930. Vol. 9.
18. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. M.; Leningrad: Gosizdat, 1932. Vol. 11.
19. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. M.; Leningrad: Gosizdat, 1949. Vol. 13.
20. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. M.; Leningrad: Gosizdat, 1934. Vol. 18.
21. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. (Yubileinoe izd.): V 90 t. [Complete Works (Jubilee Edition): in 90 Volumes]. M.; Leningrad: Gosizdat, 1935. Vol. 19.

Received 10.09.2014.